

УДК 81'246.2

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3

Чиршева Г. Н.¹
Коровушкин П. В.²

Структурные характеристики переключений кодов
в русских высказываниях детей-билингвов
в России и США

¹⁾ ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»,
пр. Луначарского, д. 5, г. Череповец,
162600, Россия;
E-mail: chirsheva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6627-693X

²⁾ ООО «Цитадель»,
тер. 6 км Ленинградского шоссе, д. 1, стр. 4,
г. Вологда, 160000, Россия;
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9048-3154

*Статья поступила 02 августа 2020 г.; принята 10 сентября 2020 г.;
опубликована 30 сентября 2020 г.*

Аннотация

Цель статьи – сопоставить структурные характеристики переключений кодов, которые используются в речи детей, усваивающих русский и английский языки в России и США. Материал исследования извлекался из видео- и аудиозаписей, сделанных авторами в ходе наблюдения за детьми четырех лет в процессе их общения с другими детьми и взрослыми. Анализ структурных характеристик внутрифразовых переключений проводился на основе положений теории и взаимодействия матричного и гостевого языков (рамочная модель матричного языка), разработанной К. Майерс-Скоттон. Структура переключений кодов в контексте моноэтнического детского билингвизма, который формировался у детей в России, и в ситуациях развития херитажного детского билингвизма у русских детей в США имеет довольно много общих характеристик. Основные различия, которые наблюдались в переключениях русских и американских детей, являются количественными. Интерпретация результатов исследования тесно связана со спецификой формирования детского билингвизма и социокультурными особенностями билингвальной коммуникации. Для контактной лингвистики актуальными являются наблюдения за взаимопроникновением морфосинтаксических особенностей русского и английского языков при их тесном контакте в устной речи.

Ключевые слова: детский билингвизм; херитажный билингвизм; переключение кода; структурные типы; матричный язык; гостевой язык; русский; английский.

Благодарность: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье» № 18-012-00260.

Информация для цитирования: Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №3. С. 33-47
DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3

Galina N. Chirsheva¹
Petr V. Korovushkin²

Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA

¹⁾ Cherepovets State University,
5 Lunacharsky St., Cherepovets, 162600, Russia;
E-mail: chirsheva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6627-693X

²⁾ Limited Liability Company «Citadel»,
1, bld. 4 Leningradskoe Shosse, Vologda, 160000, Russia;
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9048-3154

Received 02 August 2020; accepted 10 September 2020; published 30 September 2020

Abstract

The main objective of the article is to compare the structural characteristics of code switching in the speech of four-year-old children who learn Russian and English in Russia and the United States. The material of the study was extracted from video and audio recordings made by the authors during the observation of four-year-old children in the process of their interaction with other children and adults. The analysis of the structural characteristics of intra-phrasal switching was carried out on the basis of the provisions of the theory and interaction of matrix and guest languages (a framework model of a matrix language) developed by K. Myers-Scott. The structure of code switching in the context of monoethnic child bilingualism, which was formed in children in Russia, and in situations of the development of heritational child bilingualism in Russian children in the United States, has quite a few common characteristics. The main differences that were observed in switching between Russian and American children are quantitative. Interpretation of the research results is closely related to the specifics of the formation of children's bilingualism and the socio-cultural characteristics of bilingual communication. For contact linguistics, observations of the interpenetration of the morphosyntactic features of the Russian and English languages during their close contact in oral speech are relevant.

Keywords: child bilingualism; heritage bilingualism; code-switch; structural types; the Matrix Language; the Embedded Language; Russian; English.

How to cite: Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. (2020). Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (3), 33-47 DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-3-0-3

Введение

В нашей работе мы имеем дело с переключениями кодов, наблюдаемыми в ситуациях с двумя типами детского билингвизма, которые по некоторым своим характеристикам пересекаются, но, тем не менее, имеют и ряд различий, что отражается и в терминах, которые к ним применяются.

Первый тип – моноэтнический детский билингвизм, который формируется в семьях, где родители относятся к одному этносу, имеют одну родную культуру и один родной язык. Такую семью модно назвать моноэтнической и монокультуральной, однако моноязычной (однойязычной) назвать проблематично, поскольку общение с ребенком (детьми) осуществляется на двух языках (Чиршева, 2013). В наших случаях это русская семья в России, где отец со своими сыновьями с их рождения разговаривает на английском языке. Английский язык и некоторые элементы англоязычной культуры постоянно присутствуют в этой семье еще и благодаря тому, что с отцом мальчиков с первого года его жизни его родители тоже общались на двух языках: мать – на родном (русском) языке, а отец – на неродном (английском).

Второй тип – херитажный детский билингвизм – формируется в том случае, когда язык общества не совпадает с языком семьи. Такая семья может быть моноэтнической (один этнос, культура и родной язык) или биэтнической (у родителей разные этносы, культуры, родные языки). Для формирования херитажного детского билингвизма важно также и то, какова языковая политика семьи: выбирают ли родители только один язык общения в семье, какой именно, по какому принципу (комбинации принципов) они осуществляют билингвальное воспитание детей и насколько последовательно они следуют выбранному принципу (принципам).

Для сохранения разных херитажных языков в США создаются субботные или воскресные школы, в которых хотя бы раз в неделю дети общаются и получают знания с помощью своих херитажных языков. Во многих штатах есть русские школы, в которые родители привозят детей в субботу на несколько уроков и где они должны общаться по-русски (Andrews, 2000; Kleyn, Vayshenker, 2013: 350-352).

Отличие двух рассматриваемых типов русско-английского детского билингвизма заключается не только в том, что они развиваются в разных странах – России и США. Основные различия обусловлены тем, что в России доминантным и родным языком является русский, а английский – дополнительный язык, который, по мнению многих взрослых, можно усвоить и позднее – в школе, ВУЗе, в специальных студиях и на курсах. Поэтому родители тех детей, которые английский начинают усваивать с первых лет жизни, а иногда и одновременно с русским языком, испытывают только положительные эмоции от любых, даже незначительных успехов их детей в англоязычном общении. У них нет беспокойства по поводу того, что дети не усвоят свой родной язык, который необходим им для социализации и для получения образования в стране их проживания.

Родители русских детей в США хотят, чтобы их дети хорошо усвоили русский язык, они беспокоятся, что дети не смогут общаться со своими русскими бабушками и дедушками, другими родственниками, что не будут понимать русскую культуру. Их опасения вполне оправданны, поскольку дети живут в англоязычном обществе, со сверстниками общаются по-английски, в детском саду и школе все свои знания получают на английском языке. В такой ситуации дети даже не понимают, зачем им нужно разговаривать по-русски. Поэтому многие родители прилагают немало усилий, чтобы

дети осознали значимость русского языка в их жизни.

Однако, несмотря на все старания родителей, русские дети в США намного лучше говорят по-английски, чем по-русски. В России дети, одновременно усваивающие русский и английский языки, намного лучше говорят по-русски, чем по-английски.

В обоих случаях дети оказывались в билингвальных ситуациях, но эти ситуации тоже отличаются по ряду параметров. Билингвальный модус в США создавался вопреки той языковой политике, которая провозглашалась в русской субботней школе: все дети и взрослые должны общаться только по-русски. Однако у детей их англоязычная компетенция была выше, чем русскоязычная, и для каждого из них за пределами школы привычным языком общения, особенно со сверстниками, был английский. Поэтому, когда они общались друг с другом, они часто переходили на английский язык. Переключение на английский вызывали и те контексты, которые на русском языке они не осваивали. Еще одна причина переключений на английский язык – потребность в выражении эмоций, для которых у детей было больше привычных англоязычных средств.

В отличие от американских детей, у наблюдаемых нами билингвальных детей в России слабым является английский язык, а доминантным – русский. При этом английский для них херитажным не является. Они использовали английский язык в очень ограниченном количестве ситуаций – только в общении с одним или несколькими взрослыми (родителями, другими родственниками). Со своими сверстниками они общались только по-русски. По мере взросления они все больше понимали, что в большинстве жизненных ситуаций английский им не нужен, хотя о том, что говорить по-английски нужно, их убеждает авторитет родителей, интересные книги, игры и

мультфильмы, которые доступны только на английском языке. Билингвальный модус постоянно присутствует в их доме, поскольку два языка они усваивают по принципу «один человек – один язык», что предполагает разные языки общения с родителями. Однако они слышат, что оба родителя говорят друг с другом и другими взрослыми по-русски, поэтому русский язык заметно доминирует как в их коммуникативной компетенции, так и в их социализации и образовании в детском саду и школе.

И те, и другие ситуации способствуют активизации переключений кодов, но, как мы предполагаем, они отличаются не по номенклатуре структурных характеристик, а по их частотности и разнообразию.

Исследований языковых взаимодействий в речи детей разного возраста к настоящему времени достаточно много, однако на материале русско-английских переключений их пока недостаточно (Schmitt, 2000; 2008), особенно на самых ранних этапах (Чиршева, Коровушкин, 2017; Chirsheva, Korovushkin, 2020).

Незначительно количество исследований, в которых переключения кодов сравниваются при развитии двуязычия или многоязычия разных детей (Prior, Gollan, 2011; Poeste, Müller, Gil, 2019), в том числе и в процессе их социализации в обществе доминантного языка (Shin, 2010).

Теоретический обзор

Херитажный язык определяют как первый (домашний) язык, который индивид усваивает в ситуациях доминирования другого языка (Abutalebi, Clahsen, 2020; Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2013; Kupisch, Rothman, 2016; Polinsky, Kagan, 2007; Scontras, Fuchs, Polinsky, 2015; Polinsky, 2018: 9; Koroteev, Kisselev, Polinsky, 2020). Носителей такого языка характеризуют как несбалансированных билингвов, которые усваивают два языка одновременно или последовательно, но всегда херитажный язык развивается как «слабый» (Koroteev, Kisselev, Polinsky,

2020). В США русский язык у детей из русских семей развивается именно таким образом (Isurin, Ivanova-Sullivan, 2008: 73).

В зависимости от ряда факторов, среди которых исследователи подчеркивают три наиболее значимых (качество инпута, сопоставимого с тем, что наблюдается в обществе, где данный язык является основным; количество собеседников на данном языке; объем инпута), развиваются разные сценарии формирования херитажного билингвизма (Polinsky, Scontras, 2020; Embick, White, Tamminga, 2020).

Организация общения в семье, школе и детском саду направлена на активизацию херитажного языка, который дети иначе усвоить не смогут, поскольку язык общества доминирует во всех сферах, в которых дети проходят социализацию (Smith-Christmas, 2016; 2020). Родителей беспокоит то, что их дети намного хуже усваивают их родной язык, чем язык общества. Поэтому они стараются найти новые ситуации для общения детей на родном (херитажном) языке, продумывают способы стимулирования их коммуникации на этом языке.

Билингвальные дети часто оказываются в ситуациях, когда вокруг них говорят на двух языках или когда предполагается, что им не следует использовать их доминантный язык. Такие ситуации стимулируют разные формы взаимодействия между языками; одной из таких форм являются переключения кодов, которые обладают разнообразными характеристиками.

Если переключения происходят в диалогической речи, при смене реплики, их чаще всего называют выбором кода (code-choice) или сменой кода. По своей структуре переключения кодов могут быть межфразовыми (intersentential) или внутрифразовыми (intrasentential). Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) переключения между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical

switches), в присоединенных частях (tag-switches); 2) переключения в пределах словосочетания или простого предложения (Чиршева, 2000: 75; 2004: 63-64; 2012: 223).

Кодовые переключения анализируются в рамках разных теоретических и методологических установок (González-Vilbazo, Bartlett, et al., 2013). В нашей работе анализ структурных особенностей внутрифразовых кодовых переключений в рамках простого предложения в речи детей мы будем проводить при помощи модели рамки матричного языка (далее – модель РМЯ) (the Matrix Language Frame Model (MLFM), разработанной К. Майерс-Скоттон и ее коллегами (Myers-Scotton, 1995; 1997; 2002; Myers-Scotton, Jake, 2017). Главными для описания взаимодействий в переключениях кодов являются два противопоставления: 1) между матричным и гостевым языками (the Matrix Language vs the Embedded Language; далее МЯ и ГЯ); 2) между содержательными и системными морфемами (vs system morphemes).

Матричный язык является главным при построении смешанного высказывания, он определяет порядок следования морфем (слов) и обеспечивает морфосинтаксическую рамку релевантными для его грамматики системными морфемами (граммемами). Гостевой язык вносит в морфосинтаксическую рамку МЯ те морфемы, которые допускает МЯ. Поэтому присутствие ГЯ ограничивается в таких высказываниях правилами, которые устанавливает МЯ. Если МЯ у билингвов – их доминантный язык, нарушений принципов и правил РМЯ не наблюдается. Если в качестве МЯ выступает недоминантный язык, может наблюдаться отклонение от правил РМЯ под воздействием интерференции со стороны доминантного языка. В детской речи, особенно на ранних этапах, когда две грамматики еще не усвоены в полной мере, возможны разнообразные нарушения правил, установленных моделью РМЯ.

Второе противопоставление модели РМЯ – между содержательными и системными морфемами – отражается в том, каким образом внутрифразовые переключения кодов из ГЯ (вкрапления и острова) функционируют в морфосинтаксической рамке МЯ. Острова ГЯ – это такие единицы, внутри которых наблюдается действие грамматики ГЯ (порядок следования морфем и присутствие некоторых системных морфем), но при этом они способны органично вписываться в морфосинтаксическую рамку МЯ и не нарушать ее его правила. Вкрапления разделяют на следующие виды: собственно вкрапления, голые формы и пиджинизированные переключения. Собственно вкрапления – единичные лексемы ГЯ, которые используются в их исходных формах и в тех синтаксических функциях, в которых эта форма меняться не должна (например, существительные в функции подлежащего). Голые формы (*bare forms*) – те лексемы ГЯ, которые в рамке МЯ должны быть оформлены системными морфемами МЯ, но этого не произошло. Пиджинизированные переключения – такие лексемы ГЯ, которые в морфосинтаксической рамке МЯ оформлены системными морфемами МЯ в соответствии с правилами МЯ.

Для анализа межфразовых переключений модель РМЯ не применяется, поскольку в них отсутствует взаимодействие грамматики и лексики двух языков. Поэтому их описание будет опираться на классификацию кодовых переключений по месту их локализации в речи (Чиршева, 2012: 223-225).

Рассмотрение смешанных высказываний в речи четырехлетних детей начнем с межфразовых переключений. Далее

рассмотрим внутрифразовые переключения – от взаимодействия частей сложного предложения и парентетических иноязычных вставок до островов ГЯ и вкраплений разного вида.

Научные результаты и дискуссия

Цель данного исследования – выявить и сопоставить особенности проявления структурных разновидностей переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США. Анализироваться будут переключения кодов у детей в возрасте четырех лет.

Материал исследования представлен высказываниями из видеозаписей русских детей и аудиозаписей американских детей. Для того, чтобы записанный материал по объему был сопоставимым, мы отобрали билингвальные высказывания таким образом: а) в России их извлекали из записей, сделанных раз в две недели в течение года для каждого из двух детей; б) в США рассматривали записи, которые делались еженедельно в течение полугода и учитывали речь четырех детей.

Объем записей, из которых извлекался материал, составил около 40 часов для каждой группы. Приблизительное количество смешанных и англоязычных высказываний у русских детей – 25 %, у американских – около 10 %. Все остальные высказывания дети произносили по-русски. При этом у некоторых американских детей в их русской речи наблюдалась заметная интерференция английского языка, что для русских детей было не характерно, поскольку это был их доминантный язык.

В таблице 1 представлены количественные показатели всех структурных типов переключений кодов у детей из России и детей из США.

Таблица 1.
 Структурные типы кодовых переключений в речи детей
 Table1
 Structural types of code-switching in the children's speech

Типы ПК Дети	Выбор кода		Межфразовые ПК		Внутрифразовые ПК		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
В России	247	39	136	22	244	39	627	100
В США	73	32	8	4	147	64	228	100

Четырехлетние дети, которые посещали русскую субботнюю школу в США, переключались намного реже по ряду причин. Во-первых, они знали, что в русской школе нужно говорить только по-русски, и иногда даже напоминали об этом друг другу. Во-вторых, дома с ними родители разговаривали почти всегда по-русски. Многие из них только начали ходить в англоязычный детский сад, поэтому английский язык еще не стал для них доминантным в полной мере.

Записи, из которых извлекался материал в России, делались в тех ситуациях, которые в полной мере можно было назвать билингвальными: в них постоянно присутствовали как русскоязычные, так и англоязычные собеседники, дети слышали и русскую, и английскую речь, обращенную к ним. Поэтому они переключались в этих ситуациях намного чаще.

Однако, чтобы можно было сопоставлять количественные показатели в таких условиях, мы будем опираться не на абсолютные, а на процентные данные.

Каждый рассматриваемый тип, подтип и вид, если они зафиксированы в материале исследования, будут иллюстрироваться примерами из речи детей.

Выбор кода

Выбор кода можно рассматривать в трех вариантах: инициирование реплики на недоминантном языке, сохранение кода и смена кода. Здесь мы будем

иллюстрировать только последний вариант, который ярче всего показывает отличие того кода, который ожидается от ребенка.

Примеры¹.

Миша (Россия). В ответ на высказывание бабушки о брате, который делал упражнения с гантелями: "Oh, you are doing gymnastics!": «А я тоже делал гимнастики!». Смена кода здесь была вызвана, вероятно, тем, что предмет речи был связан с русскоязычным общением. Однако в грамматическом аспекте Миша не полностью отключился от формы английского слова, поэтому перевел его буквально – во множественном числе, что стало проявлением интерференции.

Саша (Россия). В ответ на просьбу бабушки, которая сообщила: "Let us stop reading. Put the book somewhere", Саша проинформировал: «Я пойду в комнату».

Илья (США). В ответ на вопрос учителя: «Это что?» ответил: "Honey."

Майк (США). В ответ на вопрос учителя: «Какой у нас месяц?» ответил: "October."

Майя (США). В ответ на вопрос учителя: «А ты как думаешь, кто это?», ответила: "Seal."

Эрик (США). В ответ на вопрос учителя: «Про что это стихотворение?» ответил: "Pirates."

¹ Имена детей даются в измененном виде, в скобках после имени указывается страна – Россия или США.

Самое яркое отличие смены кода у русских и американских детей – в его направлении: первые переходят на русский язык, а вторые – на английский. Однако в этом же и принципиальное сходство: и те, и другие переключаются на доминантный язык, если хотят быстрее ответить, но не могут сразу вспомнить слова на том же языке. Иногда у русских детей так выражается желание возразить или сменить тему разговора. Американские дети в ряде случаев из сходных по звучанию и происхождению слов (когнатов) выбирают более привычные английские варианты (см. примеры в речи Майка и Эрика).

Межфразовые переключения

Межфразовые переключения кодов чаще всего не демонстрируют взаимодействия грамматик и словарей двух языков, так как каждое предложение в смешанном высказывании построено по правилам «своих» языков. Однако такие переключения интересны тем, что демонстрируют умение ребенка строить предложения на каждом из двух языков, что свидетельствует о положительной динамике в развитии билингвизма. Взрослые таких переключений в своей речи обычно не допускают, поэтому в межфразовых переключениях проявляется дискурсивное творчество билингвального ребенка.

У русских детей английские предложения в межфразовых переключениях были короче русских. Первым могло быть английское, но иногда и русское предложение.

Миша (Россия): «*I'm bad. Я всё разломил*».

Саша (Россия): «*Я сам водичку налью. Give me the water*».

После русского сообщения Саша использовал английское императивное предложение, поскольку спохватился, что обращается к бабушке, поэтому должен говорить по-английски.

Межфразовые переключения встречались не у всех американских детей,

и при этом они были похожи на дублирование или автокоррекцию, когда, выразив что-то по-английски, ребенок понимал, что надо перейти на русский язык, например:

Майя (США): *Would you like ice-cream? На тебе мороженое.*

У одного ребенка, который чаще других смешивал языки, иногда первым было русское короткое предложение, а потом – его дублирование на английском языке:

Илья (США): *Отпусти! Leave me!*

Количество межфразовых переключений оказалось наименьшим как у русских, так и у американских детей, однако у русских детей их удельный вес (22 %) по сравнению с другими типами не так незначителен, как у американских детей (4 %).

Внутрифразовые переключения

Матричный и гостевой языки по-разному взаимодействуют в разных видах внутрифразовых переключений кодов. На морфосинтаксическом уровне наиболее тесное взаимодействие наблюдается во вкраплениях и островах гостевого языка.

Интересно, что между частями сложного предложения количество переключений у русских детей было минимальным, а у американских они и совсем не были зафиксированы. Парентетические переключения у американских детей также не были замечены, а у русских их было довольно много, хотя разнообразием они не отличались. Это были либо обращения, либо этикетные формулы.

Миша (Россия): «*Granddad, иди сюда, пожалуйста!*»

Саша (Россия): «*Я хочу тарелку, please*».

Для американских детей ситуации такого взаимодействия языков были не характерны: они обращались ко всем по именам, этикетные формы тоже использовали только русские, как и полагалось в русской школе.

Как видно из следующей таблицы, у всех детей внутрифразовые переключения чаще всего были представлены вкраплениями и островами гостевого языка.

Внутрифразовые вкрапления можно разделить на четыре основных вида, среди которых, как показано в таблице 3, чаще всего встречались собственно вкрапления и острова гостевого языка, реже всего – пиджинизированные переключения.

Таблица 2
 Подтипы внутрифразовых переключений в речи детей
 Table2
 Subtypes of intrasentential switches in the children's speech

Подтипы ПК Дети	ПК между частями сложного предложения		Парентетические ПК		Вкрапления и острова ГЯ		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
В России	3	1	57	24	184	75	244	100
В США	0	0	0	0	147	100	147	100

Таблица 3
 Виды внутрифразовых переключений в речи детей
 Table3
 Variants of intrasentential switches in the children's speech

Вид ПК Дети	Собственно вкрапления		Голые формы		Пиджинизированные ПК		Острова ГЯ		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
В России	81	44	30	16	11	6	62	34	184	100
В США	71	48	26	18	18	12	32	22	147	100

Собственно вкрапления

Собственно вкрапления – это те переключения лексем, которые используются в их исходной форме, поскольку их синтаксическая позиция (подлежащее или прямое дополнение) не требует ее менять. Вероятно, потому эти виды внутрифразовых переключений у четырехлетних детей и являются наиболее частотными.

Миша (Россия): «А вон **granddad** стоит».

Саша (Россия): «Я помню дедушку Валеру – **granddad**». Саша говорил по-русски, а упоминание дедушки вызвало в

его памяти то английское обращение, которое он использовал, когда общался с ним.

Илья (США): Я буду делать **castle**.

Майк (США), отвечая на вопрос учителя: «Какие слова начинаются на “n”?» начал перечислять: *Пушка, палка, papa, pumpkin, парусник*.

Майя (США), поясняя значение русского слова, о котором спросил другой ребенок: *А по-английски owl*.

У Эрика (США) собственно вкраплений зафиксировано не было. Самое большое их количество наблюдалось в речи Ильи.

Чаще всего английскими вкраплениями такого вида были существительные, поскольку и русской морфосинтаксической рамке только их можно было использовать в исходной форме.

Голые формы

Голые формы называются так потому, что эти иноязычные лексемы используются без должного оформления грамматическими показателями матричного языка, хотя их позиция в морфосинтаксической рамке этого требует.

Миша (Россия): «Там нет *controller*».

Саша (Россия): «Я не пойду на *gymnastics*».

Илья (США): «Это *mine*».

Майк (США): «Я вижу *nothing*».

Майя (США), отвечая на вопрос взрослого: «Какой это цвет?», сказала: «Я не знаю, как по-русски *purple*».

Эрик (США): «Я буду *skeleton*».

В качестве голых форм выступали слова разных частей речи: существительные, местоимения, глаголы, прилагательные. Дети, видимо, не были уверены, в какой форме их использовать, поэтому оставили их в той, в которой они входили в их английский вокабуляр. Такие виды переключений наблюдались в речи всех детей и в России, и в США, причем их удельный вес среди внутрифразовых переключений был почти одинаковым (16 % и 18 %).

Пиджинизированные переключения

Согласно теории РМЯ, это наиболее корректно построенные единицы гостевого языка в морфосинтаксической рамке матричного языка, поэтому они называются «классическими» (classical code-switches). Элементы ГЯ в них присутствуют лишь как корневые морфемы, а все грамматически релевантные морфемы обеспечивает матричный язык. Однако по форме они напоминают пиджинизмы, поэтому мы

сочли более приемлемым называть их пиджинизированными.

Миша (Россия): «*Rabbit-ы* бывают такие».

Саша (Россия): «А где другие *checkers-ы?*». Здесь Саша продублировал показатель множественного числа, добавив к английскому еще и русский, т.е. возникла дублированная морфология – явление, которое связано с одной из гипотез модели РМЯ (Myers-Scotton, 1997: 134-135). Оно наблюдается в тех случаях, когда при порождении билингвальной речи говорящий по разным причинам не распознает наличие граммы гостевого языка и добавляет аналогичную из матричного языка. Саша в этом возрасте уже оперировал английским показателем множественного числа, но в данном случае он, вероятно, торопился получить нужную информацию (не мог найти все шашки), поэтому не обратил внимания на грамматическое оформление слова.

Илья (США): «У меня *sock-и*».

Майя (США): «Нет, там *baby-чка*».

Эрик (США): «Я ходил смотреть на *frog-ов*».

У всех четырехлетних детей это наименее частотные структурные типы переключений кодов, а у Майка (США) их не было зафиксировано совсем, вероятно, потому, что они требуют активной лингвокреативной деятельности (Rakhilina, Vyrenkova, & Polinsky, 2016), а в случае с взаимодействием английских лексических морфем в русской морфосинтаксической рамке создают явный юмористический эффект. Дети этого возраста еще не вполне уверенно устанавливали «столкновение» разноязычных морфем и не освоили такую прагматику билингвальной речи. У Майи такие переключения были повторением одного и того же слова в разных падежных формах ед.ч. и мн.ч. (*baby-чка*, *baby-чку*, *baby-чек* и т.п.), причем, по мнению преподавателей, дети могли их слышать и в речи взрослых, следовательно, сами их не создавали.

Острова ГЯ

Этот вид внутрифразовых переключений дает возможность сохранить некоторые грамматические показатели ГЯ в предложении на МЯ. Такие построения возможны на уровне сочетания слов ГЯ или лексемы ГЯ вместе с грамматическими показателями ГЯ, например, английское существительное с артиклем или с показателем множественного числа, английский инфинитив с частицей *to* и т.п.

Острова ГЯ частотны, поскольку дети могли не разрушать словосочетание ГЯ, воспроизведя его целиком.

Миша (Россия): «*Ты будешь a wolf, а мы будем rabbits-ы*».

Саша (Россия): «*У меня нет a car*».

Илья (США): «*Это my honey*».

Майк (США), в ответ на вопрос учителя: «*Что в этой книжке написано?*», сообщил: «*Как считать. Пять собак, шесть машин, семь зверев, ... (не знает или забыл русское числительное 10) babies, три утков, это котёнки, три цыплёнок, два бананов*».

Эрик (США): «*Это pirates*».

В речи некоторых детей острова ГЯ были достаточно частотными (например, у Ильи), а у некоторых не были зафиксированы (у Майи).

Заключение

Сопоставление билингвальных ситуаций общения детей в России и США показывает, что у американских детей они наполнены реальными потребностями общаться на двух языках. Для русских моноэтнических билингвальных детей многие ситуации англоязычного общения создаются как дополнение к привычной коммуникации – на русском языке.

Тем не менее, оказалось, что у четырехлетних детей в России и США структурные характеристики переключений кодов имеют много общего, даже по их количественному соотношению.

Самое яркое отличие проявилось в том, что у американских детей не зафиксированы парентетические переключения, которых достаточно много у

русских детей. Это можно объяснить тем, что такие вставки у русских детей представлены в основном английскими обращениями, приветствиями и прощаниями, что для американских детей в русской школе было совершенно неуместно.

Количественное соотношение структурных видов внутрифразовых переключений оказалось вполне сопоставимым: как у русских, так и у американских детей преобладают собственно вкрапления, значительно меньше островов ГЯ, еще меньше голых форм в речи обеих групп детей, а самое малое количество у всех – пиджинизированных переключений.

Пиджинизированные русско-английские переключения демонстрируют наиболее тесное взаимодействие между двумя языками – внутри одного слова, что у взрослых билингвов обычно делается сознательно – для достижения юмористического эффекта. По нашим наблюдениям, четырехлетние дети ни в России, ни в США еще не освоили юмористических возможностей кодовых переключений, поэтому они и являются наименее частотными среди вкраплений. Те из них, что были зафиксированы, были либо не вполне осознанными (у русских детей), либо они их повторяли вслед за старшими детьми, а иногда и за взрослыми.

Незначительное количество смешанных русско-английских и англоязычных высказываний у американских детей говорит о том, что в тех ситуациях, когда от них ожидалось русскоязычное общение, они вполне успешно контролировали свою речь и говорили по-русски, хотя и с заметной лексико-семантической и грамматической интерференцией.

Исследование переключений кодов в детской речи значимо в нескольких аспектах. Во-первых, оно дает возможность выявить особенности развития детского билингвизма и проследить его динамику, если сопоставлять на разных возрастных этапах. Во-вторых, изучение тесного взаимодействия двух

языков в устной спонтанной речи детей, которые смешивают языки почти всегда неосознанно, показывает специфику взаимопроникновения морфосинтаксических явлений, что дает новый материал для осмысления в рамках контактной лингвистики. В третьих, анализ детской смешанной речи в разных социокультурных ситуациях открывает новый аспект сопоставительных исследований.

Acknowledgments

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье» № 18-012-00260.

This research was supported by grant “Bilingual speech of children simultaneously acquiring Russian and English in a monoethnic family” № 18-012-00260 from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

Литература

Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2000. 194 с.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2004. 189 с.

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение языков. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 488 с.

Чиршева Г.Н. Моноэтнический детский билингвизм // Филологический класс. 2013. № 2 (32). С. 46-49.

Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 48. С.84–97.

Abutalebi J., Clahsen H. Heritage languages, infants’ language recognition, and artificial grammars for bilingualism research // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 2–3. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000762>.

Andrews D. R. Heritage learners in the Russian classroom: Where linguistics can help // *ADFL Bulletin*. 2000. Vol. 31, № 3. P. 39-44.

Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Defining an “ideal” heritage speaker (Reply to peer commentaries in TL) // *Theoretical Linguistics*. 2013. Vol. 39, № 3–4. P. 259–294. <https://doi.org/10.1515/tl-2013-0018>

Chirsheva G., Korovushkin P. Structural characteristics of code-switches in four-year-old bilinguals // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”*. 2020. Vol. 86. P. 1494-1504. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.173

Embick D., White Y., Tamminga M. Heritage languages and variation: Identifying shared factors // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 21-22. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000476>.

Methodological considerations in code-switching research / González-Vilbazo K., Bartlett L., Downey, S., Ebert S., Heil J., Hoot B., Koronkiewicz B., Ramos S. // *Studies in Hispanic and Lusophone Linguistics*. 2013. Vol. 6. P. 119–138.

Isurin L., Ivanova-Sullivan T. Lost in between: the case of Russian heritage speakers // *Heritage Language Journal*. 2008. Vol. 6. P. 72–103.

Kleyn T., Vayshenker B. Russian Bilingual Education across Public, Private and Community Spheres // O. García, Z. Zakharia & B. Otcu. (Eds.). *Bilingual Community Education and Multilingualism: Beyond Heritage Languages in a Global City*. Bristol: Multilingual Matters, 2013. P.342-358.

Koroteev M., Kisselev O., Polinsky M. Collocations and near-native competence: Lexical strategies of heritage speakers of Russian // *International Journal of Bilingualism*. 2020. Special Issue: Effects of Limited Input (online-first articles). DOI: 10.1177/1367006920921594.

Kupisch T., Rothman J. Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2016. Vol. 22, № 5. P. 564–582. <https://doi.org/10.1177/1367006916654355>.

Myers-Scotton C. A lexically based model of code-switching // *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 233–256.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.

Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 c.

Myers-Scotton C., Jake J. Revisiting the 4-M model: code-switching and morpheme election at the abstract level // *International Journal of Bilingualism*. 2017. Vol. 21. № 3. P. 340–366. <https://doi.org/10.1177/1367006915626588>.

Poeste M., Müller N., Gil L.A. Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared // *International Journal of Multilingualism*. 2019. Vol. 16, № 4. P. 459–491. DOI: 10.1080/14790718.2019.1569017

Polinsky M. *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 410 p.

Polinsky M., Kagan P. Heritage languages: In the “wild” and in the classroom // *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1, № 5. P. 368–395. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1749-818x.2007.00022.x>

Polinsky M., Scontras G. Understanding heritage languages // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 1. P. 4–20. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000245>.

Prior A., Gollan T. Good language-switchers are good task-switchers: evidence from Spanish–English and Mandarin–English bilinguals // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2011. Vol. 17, № 4. P. 682–691. <https://doi.org/10.1017/S1355617711000580>

Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. Linguistic creativity in heritage speakers // *Glossa*. 2016. Vol. 1, № 1. P. 1–29. <http://dx.doi.org/10.5334/gjgl.90>.

Scontras G., Fuchs S., Polinsky M. Heritage language and linguistic theory // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. (Advance online publication). <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01545>.

Schmitt E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia // *International Journal on Bilingualism*. 2000. Vol. 4, № 1. P. 9–28. DOI: 10.1177/13670069000040010201

Schmitt E. Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovenssis*. Narva: Narva College of the University of Tartu, 2008. P. 311–330.

Smith-Christmas C. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in*

the Home. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 150 p.

Smith-Christmas C. Double-voicing and rubber ducks: the dominance of English in the imaginative play of two bilingual sisters // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2020. (Advance online publication). DOI: 10.1080/13670050.2020.1758026.

Shin S.J. The functions of code-switching in a Korean Sunday School // *Heritage Language Journal*. 2010. Vo. 7, № 1. P. 91-116.

References

Chirsheva G.N. (2000). *Vvedeniye v ontobilingvologiyu* [Introduction to childhood bilingualism], Cherepovets, Russia: Cherepovets State University (in Russian)

Chirsheva G.N. (2004). *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets, Russia: Cherepovets State University (in Russian)

Chirsheva G.N. (2012). *Detskiy bilingvizm: Odnovremennoye usvoyeniye yazykov* [Childhood bilingualism: Simultaneous acquisition of languages]. StPetersburg, Russia: Zlatoust (in Russian).

Chirsheva G.N. (2013). *Monoetnicheskii detskiy bilingvizm* [Monoethnic childhood bilingualism]. *Philological Class.* № 2 (32), 46-49.

Chirsheva G.N., Korovushkin P.V. *Smeshannyye vyskazyvaniya bilingval'nykh detey v russkoyazychnoy sem'ye* [Mixed speech of bilingual children in a Russian family], *Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, 48, 84–97.

Abutalebi J., Clahsen H. (2020). Heritage languages, infants' language recognition, and artificial grammars for bilingualism research. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (1), 2–3. DOI:10.1017/S1366728919000762.

Andrews D.R. (2000). Heritage learners in the Russian classroom: Where linguistics can help. *ADFL Bulletin*, 31(3), 39-44.

Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. (2013). Defining an “ideal” heritage speaker (Reply to peer commentaries in TL). *Theoretical Linguistics*, 39 (3–4), 259–294. DOI: 10.1515/tl-2013-0018

Chirsheva G., Korovushkin P. Structural characteristics of code-switches in four-year-old bilinguals. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive,*

Pragmatic and Cultural Aspects”, 2020, 86, 1494-1504. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.173

Embick D., White Y., Tamminga M. (2020). Heritage languages and variation: Identifying shared factors. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (1), 21-22. DOI: 10.1017/S1366728919000476.

González-Vilbazo K., Bartlett L., Downey, S., Ebert S., Heil J., Hoot B., Koronkiewicz B., Ramos S. (2013). Methodological considerations in code-switching research. *Studies in Hispanic and Lusophone Linguistics*, 6, 119–138.

Isurin L., Ivanova-Sullivan T. (2008). Lost in between: the case of Russian heritage speakers. *Heritage Language Journal*, 6, 72–103.

Kleyn T., Vayshenker B. (2013). Russian Bilingual Education across Public, Private and Community Spheres. In: O. García, Z. Zakharia & B. Otcu. (Eds.). *Bilingual Community Education and Multilingualism: Beyond Heritage Languages in a Global City*. Bristol: Multilingual Matters. 342-358.

Koroteev M., Kisselev O., Polinsky M. (2020). Collocations and near-native competence: Lexical strategies of heritage speakers of Russian. *International Journal of Bilingualism*, Special Issue: Effects of Limited Input (online-first articles). DOI: 10.1177/1367006920921594.

Kupisch T., Rothman J. (2016). Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers. *International Journal of Bilingualism*, 22 (5), 564–582. DOI: 10.1177/1367006916654355.

Myers-Scotton C. (1995). A lexically based model of code-switching. In: *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 233–256.

Myers-Scotton C. (1997). *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: UK: Clarendon Press.

Myers-Scotton C. (2002). *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Myers-Scotton C., Jake J. Revisiting the 4-M model: code-switching and morpheme election at the abstract level. *International Journal of Bilingualism*, 2017, 21 (3). 340–366. DOI: 10.1177/1367006915626588.

Poeste M., Müller N., Gil L.A. (2019). Code-mixing and language dominance: bilingual, trilingual and multilingual children compared.

International Journal of Multilingualism, 16 (4), 459–491. DOI: 10.1080/14790718.2019.1569017

Polinsky M. (2018). *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press.

Polinsky M., Kagan P. (2007). Heritage languages: In the “wild” and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 1(5), 368–395. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1749-818x.2007.00022.x>

Polinsky M., Scontras G. (2020). Understanding heritage languages. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (1), 4–20. DOI: 10.1017/S1366728919000245.

Prior A., T. Gollan (2011). Good language-switchers are good task-switchers: evidence from Spanish–English and Mandarin–English bilinguals. *Journal of the International Neuropsychological Society* 17 (4), 682–691. DOI: 10.1017/S1355617711000580.

Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. (2016). Linguistic creativity in heritage speakers. *Glossa* 1(1), 1–29. DOI: 10.5334/gjgl.90.

Scontras G., Fuchs S., Polinsky M. (2015). Heritage language and linguistic theory. *Frontiers in Psychology*, 6. (Advance online publication). DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01545.

Schmitt E. (2000). Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia. *International Journal on Bilingualism*, 4 (1), 9–28. DOI: 10.1177/13670069000040010201

Schmitt E. (2008). Early bilinguals – incomplete acquirers or language forgetters? In: *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narovensis* [p.p. 311-310]. Narva: Narva College of the University of Tartu.

Smith-Christmas C. (2016). *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Smith-Christmas C. (2020). Double-voicing and rubber ducks: the dominance of English in the imaginative play of two bilingual sisters. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. (Advance online publication). DOI: 10.1080/13670050.2020.1758026.

Shin S.J. (2010). The functions of code-switching in a Korean Sunday School. *Heritage Language Journal*, 7 (1), 91-116.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Чиршева Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор. «Череповецкий государственный университет»

Galina N. Chirsheva, Doctor of Philology, Professor, Cherepovets State University.

Коровушкин Петр Валерьевич, кандидат филологических наук, ООО «Цитадель»

Petr V. Korovushkin, PhD in Philology, Limited Liability Company «Citadel».